

Е. И. Царенко (Донецк)

**НЕПРОДУКТИВНЫЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В ЯЗЫКЕ КЕЧУА**

Кéчуа (самоназвание – *qhichwa runa* ‘люди горных долин’, или просто *runa* ‘люди’) – крупнейший индейский народ обеих Америк. По последним оценкам, общая численность этого народа составляет около 25 млн. человек. Кечуа образуют значительную часть населения Андских стран: в Перу их 47 %, в Эквадоре – 41,3 %, в Боливии – 37,1 %, в Аргентине – 3,6 %. Небольшие группы кечуа проживают в Колумбии и в Чили. В настоящее время многие кечуа в связи с урбанизацией и ростом образовательного уровня перешли на испанский язык, так что приведенные цифры довольно условны. Тем не менее, язык кечуа вместе с другим индейским языком – аймара ещё в 70-е годы прошлого столетия получил, наряду с языками испанским и аймара (ещё один крупный индейский язык), статус одного из государственных языков в Перу и в Боливии, а с 2008 г. признан официальным также в Эквадоре. Следует отметить возросшую роль индейцев в политической жизни Андских стран. В Перу с 2001 по 2006 гг. президентом был выходец из бедной крестьянской семьи Алехандро Толедо, по национальности кечуа, а с 2011 г. этот пост занимает лидер индеанистской партии с кечуанским именем Ольянта Умала. В Боливии президентом с 2006 г. является выходец из народности аймара Эво Моралес, который в 2009 г. в результате досрочных выборов был переизбран на второй срок.

Язык кечуа (*qhichwa simi* ‘язык горных долин’, или *runa simi* ‘язык людей’) традиционно считался родственным языку аймара

и объединялся с ним в кечумарскую языковую семью. Однако в последнее время возобладала точка зрения, согласно которой кечуа – изолированный язык, а его кажущееся сходство с языком аймара объясняется длительными контактами между носителями этих языков.

Кечуа представляет собой довольно разнородный диалектный континуум. Американский лингвист Гэри Паркер выделяет две группы диалектов – *кечуа I* и *кечуа II*. Кечуа I занимает центральные районы Перу, и есть мнение, что это исконная область обитания народа кечуа. Кечуа II подразделяется на две группы – *южную* (юг Перу, Боливия и северо-запад Аргентины) и *северную* (северные районы Перу, Эквадор и Колумбия). В инкскую эпоху (XV–XVI вв.) кечуа был официальным языком империи инков Тауантинсуйу и усиленно внедрялся на всей её территории. Северная группа кечуанских диалектов – это ответвление диалектов группы II, подвергшихся упрощению и пиджинизации в процессе вытеснения местных языков и диалектов. По официальной точке зрения территориальные диалекты кечуа считаются разновидностями единого языка, хотя взаимопонимание между носителями некоторых диалектов, особенно кечуа I и кечуа II (южная группа) затруднено. Однако в версии североамериканского Летнего института лингвистики следует говорить об отдельных, хотя и близкородственных, кечуанских языках.

Образцовым считается диалект города Куско на юге Перу – бывшей столицы государства инков. В данной работе используется утверждённый в 1985 г. практический алфавит, основанный на фонологическом принципе.

Фонетика кечуа довольно простая. Гласных фонем всего лишь три: *a*, *i*, *u*, звуки [e], [o] выступают как комбинаторные варианты фонем *i* и *u*. Особенности орфографии: *ch* – аффриката типа *ч*, *ll* – среднеязычный сонант типа *ль*, *ñ* – среднеязычный носовой типа *нь*, *q* – увулярный смычный типа арабского ق «каф», *w* – губно-губной полугласный, *y* – среднеязычный сонант типа *й*. Особенность системы согласных в диалектах Куско и Боливии – тройные серии смычных: простые (например, *tanta* ‘вместе’), придыхательные (*thanta* ‘лохмля’) и смычно-гортанные, или глоттализованные (*t'anta* ‘хлеб’). Это придаёт кечуанской речи особый колорит «кавказоидного» типа.

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

По распределению согласных и гласных фонем язык кечуа весьма гармоничен. Корневые основы обычно двусложны. Не допускается скопление согласных в начале и в конце слова, а внутри слова может быть не более двух смежных согласных. Стечение гласных в слове отсутствует. Ударение постоянное и всегда падает на предпоследний слог, причем при словоизменении путём наращивания афиксов оно автоматически смещается вперёд: *rúna* ‘человек’, *runá-nchis* ‘наш человек’, *runa-nchis-kúna* ‘наши люди’, *runa-nchis-kuná-paq* ‘для наших людей’.

По поводу грамматического строя языка кечуа удачно выразился французский этнограф и лингвист Жорж Дюмезиль: «Кечуа принадлежит к тем благословенным языкам, которые не нравятся разве что лингвистам – в нём даже глагол *быть* спрягается правильно». Говоря это, Дюмезиль имел в виду необыкновенную стройность и логичность кечуанской грамматики: здесь действует строгий набор правил, не знающий исключений. Основной грамматический способ – суффиксация, префиксы и другие типа афиксов отсутствуют; в меньшей степени представлены сложение основ и редупликация. Любая грамматическая форма начинается с корня, за которым в определённой последовательности выстраивается цепочка афиксов (суффиксов). При этом афиксы стандартны (данное грамматическое значение всегда выражается одним и тем же звуковым комплексом) и однозначны (каждый афикс выражает только одно значение).

По этим признакам язык кечуа относится к агглютинативному типу и удивительно похож по структуре на такие языки Старого Света, как алтайские (тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские). Делались даже попытки установить генетические связи между этими языками, которые пока не увенчались успехом.

Как уже говорилось, основное грамматическое средство – суффиксация. В области словообразования оно весьма развито в системе глагола. С помощью суффиксов можно образовать производные словоформы, выражающие тончайшие оттенки значений: *tupa-u* ‘любить’, *tupa-ku-u* ‘влюбиться’, *tupa-rqu-u* ‘страстно влюбиться’, *tupa-ri-u* ‘влюбиться несерьёзно’, *tupa-paya-u* ‘часто влюбляться’, *tupa-kapu-u* ‘снова влюбиться’, *tupa-yku-u* ‘любить нежно’, *tupa-chi-u* ‘внушать любовь’, *tupa-naku-u* ‘любить друг друга’ и др.

В системе имени суффиксальное словообразования развито в более скромных масштабах. При этом наряду с продуктивными суффиксами выделяются ещё и непродуктивные словообразовательные элементы, на что впервые обратил внимание Г. Паркер. Критерием идентификации таких элементов у него служит возможность вычленения начальной части основы в качестве живого корня, который может употребляться самостоятельно. Остаток, получающийся после выделения корня, включается в группу непродуктивных аффиксов. Непродуктивные аффиксы приводятся у него в виде простого алфавитного списка, без дополнительного анализа.

Думается, что данная операция является лишь одним из этапов при решении вопроса о возможной морфологической членимости основ, считавшихся непроизводными, а инвентарь непродуктивных словообразовательных средств нуждается в значительном расширении, равно как и в должной систематизации.

На мысль о составном, вторичном характере некоторых, казалось бы, непроизводных основ наводят некоторые особенности структуры кечуанского корня, а именно:

- 1) тенденция к двусложности,
- 2) тенденция к гласному исходу.

Преобладающая часть основ имеет довольно простую фонетическую структуру (C)V(C)-CV(C). Отрезки слов, выходящие за пределы канонического двуслога, воспринимаются языковым сознанием кечуа как нечто постороннее по отношению к слову, как некий «привесок».

Такого рода лексические морфемы и являются объектом нижеследующего анализа.

Использованная здесь методика сегментации исходит из принципов, которые разрабатывались, например, Е. С. Кубряковой на материале германских языков. Сравнивая основы со сходным звуковым составом и значением, попытаемся выделить в них компоненты, которые можно было бы сопоставить с имеющимися в языке типами продуктивных морфем (корнями или аффиксами). «Левую» часть предположительно составной основы условимся называть *началом*, а «правую» часть – *остатком*. Рассмотрим отдельно именные и глагольные основы.

А. Именные основы – подразделяются на три группы.

I. К первой группе относятся имена, основанием для морфологического членения которых служит идентификация начальной части в качестве корневого элемента. С этой точки зрения обнаруживаются следующие случаи непродуктивного словообразования.

1) Начало по материальному составу и значению совпадает с живым корнем, остаток же не поддаётся отождествлению с продуктивными словообразовательными элементами. Примеры:

aka ‘навоз, шлак, отходы’ – *aka-tanka*, *aka-tinka* ‘навозный жук’, *aka-wara* ‘улей, соты’;

allqa ‘двухцветный, черно-белый’ – *allqa-mari* ‘птица с двухцветным оперением’, *allqa-muru* ‘ягуар’;

k'illi ‘ястреб, коршун’ – *k'illi-chu*, *k'illi-r* ‘то же’;

qara ‘кожа, шкура, скорлупа’ – *qara-cha* ‘короста’ (*-cha* – аффикс уменьшительности?);

unka ‘сумчатое животное типа лисы’ – *unka-ka* ‘то же’;

wispa ‘близнецы’ – *wispa-lla* ‘то же’;

qantu ‘вид растения’ – *qantu-s*, *qantu-ta* ‘то же’;

yawri ‘игла’ – *yawri-cha* ‘шитьё’;

pacha ‘земля’ – *pacha-cha* ‘гипс’;

tuqu ‘сустав, изгиб’ – *tuqu-llu* ‘колено’;

q'ala ‘голый, лишенный шерсти’ – *q'ala-tu* ‘облезлая собака’;

ch'aka ‘хриплый’ – *ch'aka-tu* ‘то же’;

t'ayku ‘пятка’ – *t'ayku-na* ‘то же’;

wawa ‘ребёнок’ – *wawa-ni* ‘кормилица’;

masa ‘деверь, брат мужа’ – *masa-ni* ‘то же’;

mit'a ‘сезон’ – *mit'a-ni* ‘подённый работник’;

wata ‘год’ – *wata-ni* ‘круглогодичная бесплатная работа’.

2) Начало не употребляется самостоятельно, но вычленяется в связи с наличием глагола, у которого оно является основой. Примеры:

kuru-r ‘моток’ – *kuru-y*, *kuru-ra-y* ‘разматывать’;

k'ira-w ‘колыбель’ – *k'ira-y* ‘убаюкивать’;

kusa-w ‘жаркое’ – *kusa-y* ‘поджаривать’;

chira-w ‘сухая и холодная погода’ – *chira-y* ‘стоять холодной и сухой погоде’;

llat'a-n ‘голый’ – *llat'a-na-y* ‘обнажать’;

mira-ywa ‘плодовый (о животных)’ – *mira-y* ‘увеличиваться, возрастать’;

thamu-s ‘выжатый и высушенный на солнце картофель’ – *thamu-y* ‘выжимать картофель и сушить его на солнце’;

millp’u-ti ‘пищевод’ – *millp’u-y* ‘глотать’;

waqa-ti ‘нытик, плакса’ – *waqa-y* ‘плакать’.

3) Некоторые имена с сходным значением имеют одинаково звучащее начало, которому, однако, не соответствует живой корень, и разные остатки. Примеры:

apa-sanka ‘паук больших размеров’, *apa-nqura* ‘рак’, *apa-tara* ‘таракан’;

itha-pallu, *itha-na* ‘крапива’; *aña-lla*, *aña-nqu* ‘большой крылатый муравей’, *aña-s*, *aña-thuya* ‘вонючка (животное)’;

uku-ku, *uku-mari* ‘медведь’;

huk’u-cha, *huk’u-s* ‘мышь’;

pichi-tanka, *pichi-w*, *pichi-nchu*, *pichi-nchuru* ‘воробей’;

wari-turu, *wari-killa* ‘вид растения’;

suru-npi, *suru-chi* ‘горная болезнь глаз’;

achi-ra, *achi-ta* ‘клубневые растения’;

puru-nki, *puru-ña* ‘глиняный сосуд’;

ch’illi-ku, *ch’illi-kuta* ‘сверчок’;

khiwa-s, *khiwa-chu* ‘свекровь’;

sipa-s, *sipa-ku* ‘молодая женщина, девушка’;

sira-s, *sirasira* ‘скорпион’;

sukullu-ku, *sukullu-way* ‘вид ящерицы’;

chinch-rkuma, *chinch-nqa* ‘виды растений’;

wara-mu, *wara-qu*, *wara-nku*, *wara-nqay* ‘виды колючих растений’.

II. Ко второй группе относятся имена, характеризующиеся некоторой общностью значения и имеющие одинаковый остаток, но различную начальную часть. В некоторых случаях (отмеченных звёздочкой) разложимость слова подтверждается предыдущей операцией по выделению начальной части. Примеры на наиболее употребительные типы остатков:

-cha: преимущественно названия мелких животных, а также клубневых растений (данный остаток можно сопоставить с аффиксом уменьшительности *-cha*): *uku-cha*, *huk’u-cha* ‘мышь’, *wisk’a-cha* ‘вискаша (животное из семейства грызунов)’, *raku-cha*

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

‘мелкий слепень’, *kuchu-cha*, *raqa-cha* ‘виды корнеплодов’; ср. также выше **yawri-cha* ‘шитьё’, **pacha-cha* ‘гипс’ и др.;

-ku: названия летающих существ, растений, людей (с оттенком пренебрежения): *ikull-ku* ‘вид куропатки’, *challichu-ku* ‘вид попугая’, *ch’illi-ku* ‘сверчок’, *pakpa-ku* ‘сова’, *thapara-ku* ‘летучая мышь’, *ullu-ku* ‘вид картофеля’, *sipa-ku* ‘девчонка’ (ср. *sipas* ‘девушка, молодая женщина’, **q’iwa-ku* ‘тощий, рахитичный’);

-llu: главным образом названия растений, животных; физические недостатки и болезненные явления; обозначения лиц (с оттенком пренебрежения): *chuspi-llu* ‘сорт кукурузы’, *k’usma-llu* ‘травянистое растение’, **q’iwi-llu* ‘длинная изогнутая картофелина’, *sapa-llu* ‘вид тыквы’, *hami-llu* ‘вид растения-паразита’, *q’iway-llu* ‘сорная трава’, *k’usi-llu* ‘обезьяна’, *chunpu-llu* ‘ласка (животное)’, *usqu-llu* ‘дикая кошка’, *ch’iqu-llu* ‘вид птицы’, *ch’iwi-llu* ‘вид птицы’, *ana-llu* ‘большой крылатый муравей’, *tanka-llu* ‘овод’, *huq’u-llu* ‘головастик’ (ср. *huq’u* ‘влажный?’), *hata-llu* ‘зависимое, подопечное лицо’, *iska-llu* ‘болтун’, *q’uti-llu* ‘проворный, изворотливый’, *phusu-llu*, *suphu-llu* ‘волдырь’, *k’aka-llu* ‘мозоль’, *chhupu-llu* ‘сукровица’, *phapa-llu* ‘раздвоенное копыто’, *k’uku-llu* ‘хрящ’, *tuqu-llu* ‘колени’;

-qa: названия птиц: *ch’usi-qa* ‘сова’, *p’isi-qa*, *p’isqa-llu* ‘виды куропаток’.

-tu: названия культурных растений, предметов материальной культуры, указания на физический недостаток: *puru-tu* ‘вид фасоли’, *ruqu-tu* ‘вид перца’, *kapu-tu* ‘жареные бобы’, *chapi-tu* ‘вид сандалии’, *p’iru-tu* ‘вид флейты’, *phutu-tu* ‘труба’, *umu-tu* ‘карлик’, *q’ala-tu* ‘облезлая собака’, *ch’aka-tu* ‘хриплый’;

-wa: названия растений, предметов материальной культуры: *ch’illi-wa* ‘степная трава’, *qani-wa* ‘вид растения’, *sillki-wa* ‘вид кустарника’, *achi-wa* ‘зонтик, ширма от солнца’, *khura-wa* ‘карниз’, *humi-wa* ‘небольшой кувшин с узким горлышком’;

-ña: названия растений: *unqi-ña* ‘водоросль’, **rata-ña* ‘ползучее растение’ (ср. *rata-rata* ‘то же’), *qawi-ña* ‘вид растения’; сюда же, возможно, относятся и *umi-ña* ‘драгоценный камень’, *wik’u-ña* ‘вигонь (млекопитающее рода лам)’, **t’ayku-ña* ‘пятка’

-ni: главным образом названия лиц (этот аффикс заимствован из языка аймара, где он обозначает обладание, ср. кечуанский аффикс *-uyq* с таким же значением): **wata-ni* ‘круглогодичная бесплатная работа’ (ср. *wata* ‘год’), **wawa-ni* ‘кормилица’ (ср. *wawa* ‘ребёнок’),

*masa-ni ‘деверь, брат мужа’, **mit'a-ni* ‘подённный работник’ (ср. *mit'a-yuq* ‘то же’);

-*ti*: понятия, связанные с неприятными физиологическими отправлениями: *iqu-ti* ‘анус’, *sip'i-ti* ‘то же’, *ukhi-ti* ‘анальное отверстие’, *phuspu-ti* ‘кровотечение из носа’, *q'illi-ti* ‘вспухшая железа’, *millp'u-ti* ‘пищевод’; сюда же, возможно относится *qara-ra-ti ‘перхоть’ (ср. *qara* ‘кожа’);

-*n*: названия внутренних органов (большинство слов из данной группы имеет вариант без остатка -*n*): *ñat'i/ñat'i-n* ‘потроха, внутренности’, *piyuwa/piyuwa-n* ‘седце (у животных)’, *q'uqa/q'uqa-n* ‘птичий зоб’, *q'uwa-n* ‘то же’, *surq'a-n* ‘лёгкие (у животных)’, *uspu-n* ‘желудок, потроха’, *ruru/ruru-n* ‘почки’, *sullu/sullu-n* ‘выкидыш’, *thami/thami-n* ‘послед’, *kukupi/kukupi-n* ‘печень’, *suyk'upi-n* ‘поджелудочная железа’..

Некоторые остатки содержат по два слога и довольно вариабельны по звуковому составу:

-*mari*: названия живых существ: *allqa-mari ‘птица с двуцветным оперением’, *uku-mari ‘медведь’, *sik'i-mari* ‘вид муравья’;

-*kuma/-ruma*: названия растений: *chacha-kuma* ‘вид дерева’, *wayar-kuma*, *chinchir-kuma*, *ari-ruma* ‘виды растений’;

-*tuma*: названия змей: *miyu-tuma* ‘вид гадюки (*miyu* ‘круглый?’)’, *phuyu-tuma* ‘змея зелено-красного цвета (*phuyu* ‘облако?’)’,

-*wana* названия летающих живых существ: *pari-wana* ‘фламинго’, *lachi-wana* ‘чела, оса’, *p'uti-wana* ‘пчела красного цвета’;

-*tanka/-tanku/-tinku*, -*ranka/-ranku/-rinka*, -*sanka*: названия насекомых и мелких животных: *aka-tanka, *aka-tinka ‘навозный жук’ (ср. *tanka-llu* ‘овод’), *pichi-tanka, *pichi-tanku ‘воробей’, *ara-ranka* ‘вид ящерицы’, *thapa-ranku* ‘вид ночной бабочки’, *chiri-rinka* ‘слепень’ (*chiri* ‘холод’?), *apa-sanka* ‘вид паука’.

III. К третьей группе относятся четырёхсложные имена, представляющие собой полностью редуцированную двусложную конструкцию. Иногда повторяющийся элемент идентифицируется с живым корнем, однако редуцированные имена по значению не сводятся к продуктивным редуцированным формам. Все слова

данной группы представляют собой названия растений, а также насекомых и птиц. Примеры:

rata-rata ‘вьющееся растение’ (*rata-y* ‘цепляться’), *sura-sura* ‘лечебное растение’ (*sura* ‘прорастающая кукуруза?’), *k’ancha-k’ancha* ‘вид цветка’ (*k’ancha-* ‘светиться?’), *lima-lima* ‘вид цветка’, *muqu-muqu* ‘растение, листья которого употребляются в качестве рвотного’ (*muqu* ‘сустав, узел на стебле?’), *raki-raki* ‘папоротник’, *qhutu-qhutu* ‘растение, употребляемое в качестве слабительного’, *muri-muri* ‘вид растения с красными цветами’, *hama-hama* ‘корень валерианы’, *ch’apu-ch’apu* ‘ядовитое растение’, *kari-kari* ‘ежевика’, *saya-saya* ‘вербена’, *siya-siya* ‘вид растения’, *nina-nina* ‘светлячок’ (ср. *nina* ‘огонь’), *sira-sira* ‘скорпион’, *kusi-kusi* ‘вид паука’ (*kusi* ‘радость?’), *kachi-kachi* ‘стрекоза’, *qallu-qallu* ‘слизень’ (ср. *qallu* ‘язык’), *tiyan-tiyan* ‘цикада’ (*tiya-y* ‘стоять?’), *piri-piri* ‘вид куропатки’, *piku-piku* ‘вид птицы’.

В. Глагольные основы

Глагольные основы характеризуются гораздо большей регулярностью, чем именные. Прежде всего, отметим, что глагольные основы в чистом виде не употребляются, они обязательно сопровождаются теми или иными аффиксами (словарная форма глаголов – инфинитив, например, *tuna-y* ‘любить’). Далее, стандартная модель типа (C)V(C)CV- среди глагольных основ решительно преобладает. Из нерегулярных структурных основ встречаются только основы, состоящие из трёх слогов. Согласный исход у глагольных основ не встречается

С точки зрения морфемной членимости трехсложные глагольные основы можно разделить на две группы.

1. Основы, у которых третий слог легко отождествляется с тем или иным продуктивным аффиксом, но которые без этих аффиксов не употребляются:

-ri- (начало действия): *rikhu-ri-y* ‘появляться, показываться’, *hata-ri-y* ‘подниматься’, *qalla-ri-y* ‘начинать’ (ср. устаревшую форму *qalla-y* с тем же значением), *paqa-ri-y* ‘рассветать’, *huqa-ri-y* ‘вынимать’;

-ku- (глаголы с возвратным значением): *pasi-ku-y* ‘бриться’, *p’ichu-ku-y* ‘кончаться’.

2. Основы, у которых третий слог не отождествляется с продуктивными аффиксами; начальная часть иногда отождествляется с живой двусложной основой:

-*t'a-/-ta-* (аффикс, употребляемый в заимствованиях из языка аймара): *hayra-t'a-y* 'наказывать, делать выговор', *hamu-t'a-y* 'соображать, понимать', *wat'a-ta-y* 'стряхивать пыль с ног', *pila-ta-y* 'падать лицом вниз', *mirqa-ta-y* 'подходить, быть к лицу';

-*sa-*: *ranti-sa-y* 'сменить одежду' (ср. *ranti-y* 'менять'), *anqu-sa-y* 'посвящать';

-*pa-*: *yana-pa-y* 'помогать' (ср. *yana* 'слуга, друг'), *tari-pa-y* 'судить' (*tari-y* 'находить'?), *tuta-pa-y* 'начинать работу затемно' (ср. *tuta* 'ночь'), *q'acha-pa-y* 'поджаривать', *wiku-pa-y* 'крутить, раскручивать';

-*ka-* : *musi-ka-y* 'рассчитывать, строить планы', *mit'i-ka-y* 'переселяться, эм', *walla-ka-y* 'кипеть, пузыриться'.

* * *

Итак, дополнительный анализ именных и глагольных основ, отклоняющихся в ту или иную сторону от господствующей в языке структурной модели, показал, что многие из них разложимы на более мелкие компоненты. Начальные элементы можно сопоставить с корнями, остаточные – с аффиксами, а иногда с корнями. Очевидно, что обе половины редуцированных основ можно уподобить корню. Однако некоторые соображения не позволяют признать все эти элементы настоящими корнями или аффиксами.

Признаками корня являются либо возможность выступать в предложении в чистом виде, без аффиксального оформления (что допускается для имён), либо способность сочетаться со всеми возможными продуктивными аффиксами, характеризующими данную часть речи. Выделенные нами начальные элементы, возможно, представляют собой омертвевшие первичные корни, но с синхронной точки зрения они неотделимы от дополняющих их остатков.

Что касается остатков, то для них характерны, во-первых, неразрывная связь со строго определёнными корнями (живыми ли омертвевшими), а во-вторых – не вполне определённая, расплывчатая семантика. Иногда остаток вносит в значение оформленного им слова трудно уловимый оттенок субъективной оценки. Но в целом

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

эти «квазиаффиксы» не столько модифицируют значение первичного корня, сколько подчёркивают индивидуальность данного слова, его терминологический характер, сугубую конкретность обозначаемого им понятия. Их назначение – быть завершителями, конкретизаторами первичных корней. Этот эффект достигается, между прочим, и за счёт того, что распространённые квазиаффиксами именные основы своей отклоняющейся от нормы структурой выделяются на фоне стандартных двуслогов.

Для определения места непродуктивных словообразовательных элементов в системе морфологических единиц языка кечуа приходится ввести особый уровень, который можно назвать *субморфемным*. Относящиеся к этому уровню единицы – омертвевшие корни и квазиаффиксы – занимают промежуточное положение между лишёнными смысла произвольными сочетаниями фонем и кратчайшими значимыми единицами – морфемами.

Языковые единицы подобного рода встречаются во многих языках мира. Известно, какие споры вызвала «проблема буженины» в русском словообразовании, или «проблема клубники» (*strawberry problem*) у исследователей индоевропейских языков. Заметную роль играют непродуктивные словообразовательные элементы в алтайских языках.

Что касается языка кечуа, то разложимость значительной части многосложных основ на двусложный первичный корень и остаток свидетельствует о том, что двусложность и гласный исход – это не случайность, а органическое свойство корня. Однако нельзя не отметить, что закон двусложности корня на современном этапе развития этого языка, выступает в ослабленном виде. Свидетельство этому – тенденция к распространению двусложных корней квазиаффиксами. Свою роль играет и всё усиливающийся наплыв многосложных слов из испанского языка, в котором количественный фактор не играет столь важной роли, как в языке кечуа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Морфологическая структура слова в германских языках // "Морфологическая структура слова в индоевропейских языках". – М.: Наука, 1970.
2. Царенко Е. И. К проблеме структуры слова в агглютинативных языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1974.

3. Царенко Е. И. Лингвистические данные к этнической истории кечуа // "Советская этнография". – М., 1974.
4. Büttner Th. Th. Las lenguas de los Andes Centrales. – Madrid, 1983.
5. Cusihamán G. A. Gramática quechua: Cuzco – Collao. – Lima, 1976.
6. Cusihamán G.A. Diccionario quechua: Cuzco – Collao. Lima, 1976.
7. Guardia Mayorga C. Diccionario kechwa – castellano, castellano – kechwa. – Lima, 1959.
8. Lara J. Diccionario qhëshwa – castellano, castellano – qhëshwa. – La Paz – Cochabamba, 1971
9. Lira J. A, Diccionario kkechuwa – español. – Tucumán, 1945.
10. Middendorf E. W. Das Runa-Simi oder die Kešua-Sprache. – Leipzig, 1890.
11. Middendorf E. W. Wörterbuch des Runa-Simi oder der Kešua-Sptache. Leipzig, 1890.
12. Parker G. Ayacucho Quechua grammar and dictionary. – The Hague–Paris, 1969.

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱